

Автобиография Владимира Михайловича Бехтерева

(Часть 3*)

Autobiography V.M. Bekhterev's (Part 3)

На мое несчастье, почти весь период экзаменов я снова стал подвергаться жесточайшим приступам перемежающейся лихорадки. При таких условиях, конечно, пришлось выходить на экзамены подчас без всякой подготовки, в надежде на сделанный прежде запас знаний. Тем не менее экзамены я сдал вполне успешно, получив 20 отличных. Когда объявлен был нам результат экзаменов, мы узнали, что во всем курсе лишь трое получило не менее двух третей отличных из всех предметов (Г. Левашев, Г. Ранчевский и я) и всего 32 человека окончило курс.

Впоследствии, в силу допущенных переэкзаменовок, оказалось, что еще один из окончивших курс получил две трети отличных. Все четверо, получившие не менее двух третей отличных, были удостоены конференцией Академии звания докторантов без особого экзамена и, кроме того, трое (Г. Левашев, Г. Рачевский и я) получили премии. Тотчас по выяснении результата экзамена все лица, окончившие курс *sumeximia landa*, были приглашены на конкурс для зачисления в профессорский Институт при Академии. Как обыкновенно, конкурс состоял в писании экспромтного сочинения на выбранную по жребию тему из ранее заготовленных конференцией Академии.

Жребий нам предоставил тему «Лечение чахотки гигиеническое и фармацевтическое». Свои произведения мы должны были впоследствии сами читать перед конференцией Академии. После чего в том же заседании конференции происходила и баллотировка на предмет оставления при Академии. Выбранными оказались: я, Левашев, Ястребов, Феноменов, Никаноров, Стальников, Патенко и Корнилов. Все поименованные лица распределились затем сообразно выбранным ими предметам для занятий по следующим клиникам: я остался при психиатрической клинике профессора И.П. Мержеевского, Левашев, Никаноров и Стальников — при терапевтической клинике профессора С.П. Боткина, Ястребов и Патенко — при акушерской клинике профессора К.Ф. Славянского, Феноменов — при акушерской клинике профессора Горвица, Корнилов же, сколько мне известно, вскоре уехал в Москву, где продолжал свои дальнейшие занятия, вследствие чего он и не был зачислен в профессорский Институт врачей при Академии.

Следует заметить, что вследствие военного времени мы получили по конкурсу лишь право на оставление при Академии в будущем, первое же время весь наш курс был зачислен в особо сформированный при клиническом госпитале времен-

ной запас врачей армии, пребывание в котором, однако, никому из будущих институтских врачей не мешало заниматься избранным им предметом при соответствующих клиниках. Поэтому хотя зачисление меня в число врачей Института состоялось лишь в 1880 г., но регулярные занятия в клинике профессора И.П. Мержеевского я мог начать тотчас же по окончании курса в Академии.

Первым делом моим было изучить мозг в анатомическом отношении и затем ознакомиться возможно ближе с больными клиники и со способами их содержания и лечения. Всякий, кто имеет ясное представление об избранной мною специальности, легко поймет, что на эту предварительную подготовку должно было пойти немало труда. Тем не менее благодаря любезному содействию и нравственной поддержке врачей клиники, и в особенности профессора И.П. Мержеевского, работа моя пошла успешно, и в сравнительно короткое время я мог уже приступить к разработке разнообразных научных вопросов.

Надобно заметить, что время, в которое я начал свою научную деятельность, было периодом особенного оживления в нашей специальности. Тогда, между прочим, вновь ожило казавшееся было умершим психиатрическое общество, заседания которого, происходившие в клинике, почти всегда полны живого научного интереса. Вместе с тем в то время еще только начиналось у нас новое направление психиатрии, имевшее целью в своих клинических положениях и выводах опираться главным образом на данные анатомии и физиологии нервных центров. При таких условиях, конечно, работа спорилась вдвое.

В 1881 г. был напечатан труд под заглавием «Опыт клинического исследования температуры при некоторых формах душевных заболеваний», представленный мною в конференцию Академии на соискание докторской степени. От официальных оппонентов профессоров В.В. Пашутина, И.П. Мержеевского и А.Г. Палатебного труд этот на диспуте был удостоен чрезвычайно лестных похвал, и самый диспут прошел вообще с особенным успехом. Осенью того же года в силу предложения, сделанного мне профессором И.П. Мержеевским, я доцентирован при Академии вместе с доктором Э.Р.

На это доцентирование некоторые из моих сверстников по Институту, кажется, взглянули не совсем благосклонно, видя в нем, так сказать, скачок с моей стороны вперед; но вскоре и они последовали моему примеру. В конце 1883 г. вслед за уходом из клиники А.Е. Черемшанского открылось при ней место штатного врача, которое я и занял по представлению профессором И.П. Мержеевского в начале 1884 г.

* Части 1 и 2 см. в номерах 1 и 2 за 2012 г.

Впрочем, мне уже недолго после этого привелось оставаться в клинике. В начале мая 1884 г. в конференции Академии состоялась баллотировка меня на одну из заграничных вакансий, а к началу июня месяца я уже отправился в заграничную командировку с научною целью.

Еще раньше избрания моего в заграничную командировку от Академии, по случаю освобождения при Казанском университете, за смертью профессора Фрезе, доцентуры по психиатрии, возник вопрос о моей кандидатуре на освободившуюся вакансию. И хотя благодаря солидным рекомендациям я был избран на кафедру в Казанский университет, но мысль лишиться двухлетней заграничной командировки от такой степени была для меня тягостна, что я решил отказаться на этот раз от кафедры в Казани.

Из Казани меня, однако, убеждали не покидать намерения о переходе в Казань на кафедру в ближайшем будущем, так как вопрос о замещении кафедры психиатрии вместе со снятием моей кандидатуры был отложен до осеннего времени, когда ожидалось введение нового устава, вместе с которым открывалась при университетах профессура по психиатрии и нервным болезням.

Первым моим желанным пунктом за границей был Берлин, в котором я провел около шести недель, т. е. ровно столько, сколько в нем было позволено оставаться мне, как и другим русским, выехавшим вместе со мною в этот прусский город, находившийся в то время почему-то в осадном положении. Это было время изгнания Бисмарком русских, поляков и евреев, а под этим предлогом и всех русских вообще, к какому бы званию они ни принадлежали. По крайней мере, нельзя объяснить себе иначе того поистине чудовищного факта, что въехавшие в то время в Берлин русские врачи, командированные русским Правительством с ученою целью за границу, как то и значилось в их паспортах, получили официальное позволение (*Erlaubniss*, как значилось и в заголовке самой бумаги) оставаться в Берлине не более шести недель, по истечении какового срока предлагалось немедленно же оставить город.

Получив такой документ наравне со своими товарищами, проживавшими в то время в Берлине и ухищрявшимися какими-то ходатайствами продлить себе срок пребывания в Берлине, я решил не следовать их примеру, а воспользоваться лишь шестинедельным сроком пребывания в Берлине. В течение этого времени я посещал лекции покойного профессора *Westphala* и *Mendela*, посещал физиологический Институт доктора *Bais Reymonda*, главным образом его вивисекционное отделение, находившееся тогда под заведыванием профессора *Kranecker'a*, осмотрел все или почти все из имеющихся в Берлине и его окрестностях заведения для душевнобольных, посещал происходившие в то время заседания ученых обществ Берлина и знакомился с более выдающимися берлинскими представителями неврологии и психиатрии. К концу срока пребывания в Берлине я думал было сделать объезд по крупным

научным центрам Германии, чтобы выяснить для себя, где бы я мог с большим успехом заняться на первое время неврологией и психологией, без знакомства с которыми клиническое изучение невропатологии и психиатрии является в такой же мере бесплодным, в какой является неполным или даже и вовсе невозможным изучение хирургии с нормальною анатомией или же изучение терапии внутренних болезней без знакомства с физиологией.

Первым пунктом, куда я направился, был Лейпциг, и здесь-то я именно нашел то, чего искал относительно занятий, в силу чего тотчас же решил переселиться из Берлина в Лейпциг.

В последнем я провел около года, работая при психиатрической клинике профессора *Flechsiga*, психиатрической лаборатории профессора *Wundt'a*, физиологическом Институте профессора *Zudwiga*, в особенности же в его гистологическом отделении, находившемся под заведыванием профессора *Gaub*.

Вскоре по приезде в Лейпциг я узнал, что нашим Министерством уже обнародован университетский устав, в силу которого при университетах Казанском и Киевском открылись вакантные кафедры психиатрии и нервных болезней. В то же время из Казани предложено мне было подать немедленно же докладную записку в Министерство с целью заявить свою кандидатуру на кафедру в Казанский университет, что я и сделал.

Спустя недели 2 или 3 после того я получил любезное письмо от профессора И.П. Мержеевского, которому я вообще в жизни обязан многим,— письмо, содержащее в себе упрек, что я не сообщил ему письменно о подаче своего заявления в Министерство, и извещавшее меня о том, что Министерство запрашивало о мне как его, профессора Мержеевского, так и профессора Балинского, и что обо мне дан, как он выразился в письме, блестящий отзыв с указанием на мои труды и оценкой некоторых из них. Вскоре затем в ответ на мое заявление я получил из Министерства уведомление, что я буду назначен на кафедру психиатрии и нервных болезней в Казанский университет.

Получив это уведомление в то время, когда я уже всей душою отдался своим научным занятиям в клинике профессора *P. Flechsiga*, мне стало грустно расстаться с ними тотчас же, мне было тяжело подумать, что я должен буду отказаться от самых интересных и поучительных для меня занятий в заграничных лабораториях и клиниках в течение более полутора года, которые мне предстояло еще провести в командировке. Тем не менее отказаться от предстоящего мне назначения казалось уже и неудобным, по крайней мере, без особого основания, а потому я решил написать в Министерство бумагу, в которой предполагавшееся мое назначение на кафедру в Казань я думал обусловить такими требованиями, чтобы само Министерство прислало мне отказ за невозможностью удовлетворить эти требования. В один вечер бумага была изготовлена. В ней я

извещал Министерство, что я буду согласен быть назначенным на кафедру в Казань лишь при том условии, если при кафедре будет устроено место ассистента (которого ранее не предполагалось), если мне будут отпущены средства на устройство особого кабинета для занятий по центральной нервной системе, если будет построена в Казани клиника для психических и нервных больных и если мне будет разрешена заграничная командировка с содержанием от Министерства народного просвещения в течение полутора года ввиду того, что я состою уже в командировке от Военного Министерства.

Вся бумага была написана в тоне, не допускавшем уступок, но всего этого мне казалось еще недостаточно, и я отправился к одному из живших тогда в Лейпциге соотечественников доктору В.Ф. Чиру, прося его придумать более энергичный способ выражения, чтобы в отказе со стороны Министерства нельзя было сомневаться. После новой корректуры бумага была переписана мною в течение ночи и на другой же день отправлена по назначению.

В течение 1, 1/2 или 2 месяцев мне пришлось ждать отказа от Министерства. Наконец однажды утром почтальон подает мне конверт со штемпелем Министерства народного просвещения. Наконец-то все кончено, подумал я. Но каково было мое удивление, когда, развернув пакет, я убедился, что об отказе в бумаге не было и речи. Напротив того, бумага как бы признавала все мои требования вполне основательными и подлежащими удовлетворению. По крайней мере, в ней значилось, что об ассистенте я могу поднять ходатайство по приезде в Казань, что об устройстве кабинета мне следует хлопотать по приезде через факультет и совет и что средства на этот предмет будут отпущены Министерством, что клиникой мне будет служить Казанская Окружная Лечебница, консультантом коей я буду назначен, по возвращении в Россию, что же касается заграничной командировки, то в бумаге говорилось, что так как я уже состою в командировке от Военного Министерства, то я и могу продолжать оставаться в этой командировке впредь до августа месяца 1885 г., т. е. до начала следующего учебного года, когда я буду назначен на кафедру в Казань.

Нечего и говорить, что я был вполне доволен таким результатом, и занятия мои пошли с удвоенной энергией.

Весной 1885 г. я отправился в Париж через Кёльн и по пути остановился в Бонне, где осмотрел с подробностью одно из богатейших заведений Прирейнского края, находившееся в то время под управлением профессора *Neisse*. Как ни прекрасно построено это заведение, все же при его осмотре нельзя было не выразить удивления баснословной дороговизной его постройки, достигавшей, кажется, несколько миллионов марок. Провожавший меня врач успокоил меня, однако же, тем, что добрая половина этой суммы в кармане архитекторов. Такие заявления производят на русского всегда несколько успокоительное действие.

Он убеждается, по крайней мере, что не в одном его «варварском» отечестве возможны подобные случаи, но и у цивилизованных европейцев.

В Париже я познакомился с профессором *Charcot* и под руководством последнего знакомился с больными, содержащимися в его отделениях Сальпетриера. Личность этого замечательного ученого произвела на меня глубокое, почти чарующее впечатление не только благодаря любезности и внимательности, с которой он относился ко мне, но и благодаря поразительной простоте изложения своих лекций.

Вернувшись из Парижа снова в Лейпциг для продолжения своих занятий и окончания начатых мною научных исследований, я закончил свою заграничную командировку посещением колониального заведения для душевнобольных в *Alt Scerbisch* близ Лейпцига, заведения в Галле, находящегося под заведыванием профессора *Hitziga*, Мюнхенского психиатрического заведения с анатомической лабораторией, находившегося под заведыванием профессора *Guddena*, и осмотром лаборатории и психиатрического отделения, находившегося под заведыванием профессора *Th. Meynert'a*, в Вене.

Вернувшись из-за границы в Петербург, я поехал тотчас же представиться к г. Министру. Прием был более чем любезный. Министр, увидев меня впервые и услышав мою фамилию, выразил живейшее удовольствие, что я перехожу на службу в Министерство народного просвещения, тотчас же припомнились лестные отзывы, данные обо мне профессором И.П. Мержеевским и И.М. Балинским, выразил удивление по поводу количества моих работ, расспрашивал меня, где и как я провел время за границей, интересовался вопросом о распространенности и развитии нервных и душевных болезней за последнее время и наконец перешел на тему о талантливых русских врачах, между прочим о профессоре Захарьине, в то время лечившем графа Д.А. Толстого, и о С.П. Боткине. Затем, сказав еще несколько лестных слов по моему адресу, Министр закончил длившуюся более часа беседу восклицанием: «Да. Может собственных Платонов и быстрых разумом Ньютонів русская земля рожать».

Я вышел из приемной Министра совершенно очарованный любезностью и направился в Министерство, куда мне предложил обратиться за справками г. Министр. Здесь я узнал, что мое назначение уже состоялось в июне месяце и что я назначен, вопреки ожиданиям, экстраординарным профессором психиатрии. По поводу последнего обстоятельства мне заявили, что иначе не могло и произойти, так как иной вакансии не имелось, но что при первой открывшейся при Университете ординатуре меня назначат ординарным профессором, что и осуществилось приблизительно через полтора года вступления моего на службу в Казанский университет. Будучи в Министерстве, я не преминул напомнить, между прочим, о том, что мне было обещано дать суммы на устройство кабинета, открыть должность ассистента или ор-

динатора при моей кафедре и устроить клинику при Окружной лечебнице. Обещания были подтверждены, причем мне было заявлено, что Министерство народного просвещения дало свое согласие на назначение директора лечебницы от Министерства внутренних дел только под условием назначения профессора психиатрии консультантом лечебницы, как клиники, с правом преподавания нервных и душевных болезней. Из Министерства народного просвещения я отправился в Медицинский департамент Министерства внутренних дел для того, чтобы узнать из уст г. директора департамента свое будущее положение при лечебнице. Мне было сказано, что я буду назначен консультантом специально с целью клинического преподавания при лечебнице и что с этой целью я должен буду войти в соглашение с директором лечебницы и выработать совместно с ним правила психиатрической клиники при лечебнице, которая и будет утверждена Министерством внутренних дел.

Вступительная моя лекция в клинической аудитории Казанского университета о причинах и распространении душевных расстройств в современном обществе привлекла большое количество слушателей и произвела впечатление; на следующий же день она была подробно реферирована в местной прессе. Покойный помощник попечителя Казанского округа г. Малиновский, присутствовавший на лекции, долго изливал мне свой восторг по поводу этой лекции и впоследствии почти при каждом свидании вспоминал о ней с чувством особенного удовольствия.

Кроме чтения лекции и составления курса первым моим делом по приезде в Казань было обставить кафедру средствами и пособиями, служащими для демонстративного преподавания, а равно и в клиническом отношении. Дело в том, что по приезде в Казань я не нашел при кафедре никакого решительно имущества, могущего служить пособием к демонстративному или клиническому преподаванию психиатрии.

Окружная лечебница также блестела отсутствием учебных пособий, и только благодаря заботам бывшего директора ее, ныне директора Медицинского департамента Министерства внутренних дел, она стала впервые обзаводиться научными средствами.

Когда я в одном из первых заседаний факультета заявил о курсах своей кафедры, прося Медицинский факультет ходатайствовать об открытии при занимаемой мною кафедре места сверхштатного ординатора с содержанием и об отпуске мне одновременно тысячи рублей на устройство кабинета и 300 рублей ежегодно на его содержание, многие из членов факультета, охотно соглашаясь на представление моего ходатайства в Министерство, тем не менее отнеслись с полным недоверием к возможности осуществления подобного ходатайства. Между тем бумага моя, будучи заслушана в совете, получила уже разрешение из Министерства, так как последнее, отпуская особые добавочные суммы Университету, оговорило,

что известная часть их должна пойти на основание кабинета при кафедре психиатрии. С этих пор при Казанском университете было положено начало психиатрической лаборатории, обладающей уже разнообразными средствами и приборами, необходимыми для исследования анатомии и физиологии центральной нервной системы, а также и пособиями для исследования в области экспериментальной психиатрии.

С этих пор при Казанском университете было положено начало психиатрической лаборатории, обладающей уже разнообразными средствами и приборами, необходимыми для исследования анатомии и физиологии центральной нервной системы, а также и пособиями для исследования в области экспериментальной психиатрии.

Лаборатория эта, в которой уже имеется богатое собрание эмбриологических и патологоанатомических препаратов из центральной нервной системы, служит не только для занятий молодых врачей, подготовляющих себя к практической деятельности в области невропатологии и психиатрии, но является важнейшим подспорьем при чтении общего курса психотерапии.

Вскоре после разрешения суммы на основание психиатрической лаборатории при Университете ходатайство об открытии места ординатора при кафедре получило также удовлетворительное разрешение, и вместе с тем мне удалось организовать клинический курс психиатрии при Окружной лечебнице.

Прежде всего, сообщая с бывшим ее директором Л.Ф. Рагозиным, были выработаны правила устройства психиатрической клиники при Окружной лечебнице, которые и были затем утверждены Министерством внутренних дел.

Учреждение психиатрической клиники при лечебнице, заменив прежнюю личную унию лечебницы и Университета, возникшую благодаря служебному совместительству, не только обеспечило за Университетом право практического преподавания психиатрии при Окружной лечебнице у кровати больного, но и придало самой лечебнице характер учебно-вспомогательного учреждения, которого она вовсе не имела или почти не имела в прежнее время.

Без сомнения, клиника при лечебнице, управляемой директором и имеющей в высшей степени сложное и обширное хозяйство, не могла обладать тою полноправностью, которая в этом была бы желательна, тем не менее учреждение ее является, несомненно, успехом в деле организации клинического преподавания психиатрии при Казанском университете, которое ранее, сколько известно, даже и не велось систематически. С 1886 г. по моему ходатайству на университетские средства организовано в дни лекций для студентов 5-го курса правильное и бесплатное сообщение с лечебницей на извозчичьих экипажах, благодаря чему были устранены до известной степени и те неудобства преподавания в лечебнице, которые связаны с отдаленным положением ее от города. Наконец, в течение 1889–1890 учебного года при

Окружной лечебнице был образован особый Клинический кабинет, представляющий собрание необходимых при всестороннем исследовании психических больных, разбираемых на лекциях перед студентами.

За последнее время надежды Казанского университета складываются около проектируемой постройки новых факультетских клиник, в числе которых предположено иметь и психиатрическую.

С устройством последней Казанский университет в отношении клинического преподавания психиатрии будет обставлен так же, как и многие из университетов Западной Европы, и вместе с тем он приобретет себе тот научный центр, который естественным образом будет привлекать к себе значительное число молодых сил, желающих потрудиться на практическом и научном поприще клинической психиатрии.